

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАМЫСЛА ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ЭПОПЕИ
АНДРЕЯ БЕЛОГО "ВОСТОК ИЛИ ЗАПАД"
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ "КОТИК ЛЕТАЕВ" И "КРЕЩЕННЫЙ КИТАЕЦ")**

Резник О. В. , аспирант

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев, 1880 - 1934) – поэт, прозаик, теоретик символизма. Представление о религиозном назначении творчества и конечной цели его как преображения духовной жизни общества предопределили основные мотивы эпического и поэтического наследия писателя. В его поздних повестях "Котик Летаев" и "Крещеный китаец" на первый план выходит личность, наделенная автобиографическими чертами. Жизнь, история страны (и шире - человечества), заявленная ранее как центральная тема, не отходит на второй план, но освещается иначе – изнутри. Мысль о том, что сознание ребенка, его первые шаги в освоении окружающего мира оказываются решающими для всего последующего опыта личности, была высказана в свое время и Л. Н. Толстым, заметившим: "От пятилетнего ребенка до меня только шаг. А от новорожденного до пятилетнего - страшное расстояние" (Л. Н. Толстой. Собр. Соч. М., т. 10, с. 537) Показать этот процесс в реальных категориях быта и составляло задачу Андрея Белого – антропософа.

А. Белый осознавал все явления окружающего мира как многообразное диалектическое единство. В его планы входило пересоздание людей и общества на основе новой культуры и веры.

Вот почему третья часть историософской трилогии "Восток или Запад", задуманной Белым, в отличие от двух предыдущих – "Серебряного голубя" и "Петербурга", должна была представить положительную программу жизни, победившей зло и неблагополучие.

Опираясь на Канта и Штейнера, Белый создает произведения, в центре которых стоит человеческий разум. В нем, согласно концепции автора, тесно переплетаются рациональная и чувственная стихии. Отсюда и первоначальное название задуманной вещи – "Невидимый Град", то есть созидание души. Отрицавший любое насилие, признававший социальные потрясения как столкновение восточной (монгольской) и западной (европейской) культур, воспринимавший революцию как второе пришествие Спасителя, Белый искал те нравственные ориентиры, которые помогли бы человеку не только выстоять в "бушующем мире", но и пересоздать его.

Об этом свидетельствует предисловие к "Котику Летаеву", написанное в 1928 году. В нем писатель объясняет не только смысл образов произведения, но и возникновения самого замысла. В этой же статье он выделяет главные темы (именно т е м ы , а не одну) повести.

Главной темой становится ответ на вопрос: есть ли подсознательная память? Согласно Белому, в сознании ребенка запечатлевается не сам факт, а его эмоционально – образное восприятие. И эти картины не есть "субъективный бред", а, скорее, нечто типичное, порожденное общностью исторического момента.

Однако более всего он подчеркивает естественно – научное основание всего изображаемого, отвергая обвинения в мистике. Поэтому вторая тема этого произведения – умение вспоминать в себе то, что забыто в суете дней. И главное, что должен "воскресить" в своей духовной памяти человек – это вера в Бога.

Знаменательно, что эти антропософско – теософские повести были названы позднее Белым "симфоническими", то есть осуществляющими музыкальную тему в слове. Отсюда их интонационный, музыкальный смысл, отсюда и особенности их формы, и экспозиция сюжета, и язык: "... на предложения о переводе на английский язык симфонической повести "Котик Летаев" я ответил молчанием; передо мной встала картина искажения ритмов и деформации слов; повесть "Крещеный китаец" сложилась из звуков шумановской "Крейслерианы"; она вышептана так, как вышептывается стихотворение..." [1, с. 22]

Поэтому в этих произведениях можно выделить ряд сюжетно – музыкальных мотивов: быта, космоса (вечности), библейскую тематику. Словесная ткань повестей пронизана образами, возникающими как бы вне связи с логическим ходом повествования. Это попытка взрослого автора "внырнуть в детскую душу", подыскать детским впечатлениям адекватное объяснение.

Глубокий автобиографизм повестей определяет их сущность и окраску. Однако тот факт, что они создавались в годы самоопределения не только автора, но и всей страны, позволяет увидеть в изображенном глубоко обобщенную картину внутреннего мира личности переломной эпохи.

История выступает в повествовании опосредованно, как биография человеческого "я", не просто взятого в процессе духовного созревания, но осознающего малейшие изменения во внешнем мире (в истории страны и в космосе) и преломляющего их ассоциативно. Поэтому замысел заключительной части не только расширяется, но и меняет название: задумана эпопея "Моя жизнь". Однако сам предмет изображения не меняется, что позволяет не только опровергнуть высказывания ряда литературоведов, будто идея "Невидимого Града" никакой реализации не получила, но и включить симфонические повести "Котик Летаев" и "Крещеный китаец" в границы единой "субъективной эпопеи"; своеобразного жанрового единства, куда входят эпические произведения писателя, в которых структурообразующими являются категории Истории и Веры.

Белый задумывал свою эпопею как обширное историософское полотно, где линия субъективная, личностная была бы составляющей истории. И хотя были написаны только первые две части, а остальные вошли отдельными гранями в роман "Москва", Белому удалось передать в этих произведениях социально - бытовую атмосферу России начала XX века.

Считаем, что произведение автобиографического жанра, а именно повесть как изображение истории одной человеческой жизни, более подходило для воплощения историософской концепции, чем собственно мемуарное, так как позволяло сосредоточиться на внутреннем мире личности,

которая, по Белому, должна противостоять влиянию рационалистической стихии Запада и чувственно – нигилистического Востока.

Завязка повести "Котик Летаев" – пробуждение самосознания родившегося человека, развязка – зарождение Христовой веры в душе. Между этими двумя полюсами существования личности заключена история всего человечества. Повествование строится по принципу, обозначенному в "Эпilogue": миг, комната, происшествие. Деревня и время года, Россия, история, мир – все это и есть лестница к крестным мукам существования. Вся повесть композиционно оформлена как последовательное развитие действия, состоящее из самостоятельных картин, каждая как бы "вбирает" в себя содержание и образный ряд предыдущих. Отдельная главка строится по принципу: обобщенная реальность в духе антропософии; она раскрывается в многообразии внутренних связей и образов, словесных и звуковых потоков; конкретизируется, находится реальная мотивировка события или впечатления, данная взрослым, тридцатипятилетним автором. Для более точного воссоздания детского мироощущения Белый использует "взрослые" категории, создавая обстановку не только из осязаемых предметов, но и из звуков: гамм, рулад, а также цветов и запахов. В его детские бреды врываются отзвуки древних мистерий, мотивированные теорией Ницше. В любом обыденном явлении Котик видит знамение внешних сфер, а в основе каждого образа лежит "вечный" прототип. Так, например, отец воспринимается как Вулкан, потому что он наполняет все комнаты керосиновой копотью (первый, реальный план) и одновременно - он прародитель мира, источник идей и всего нового.

Белый рисует состояние лирического героя как о с о б е н н о е - своеобразное единство единичного и всеобщего (грядущего). Самосознание младенческих лет определено как свойственное целому кругу людей, находящихся в равных исторических условиях. В "Предисловии" писатель показывает, как из детства, из постижения себя в качестве "я" вырастает история, а автор становится ее пророком: "...смысл есть жизнь: моя жизнь; она – в ритме годин" [2, с. 311]. Он отождествляет себя с Христом, в пунцовом платьице ребенка видит багряницу, в окружающих его людях – толпу у распятия, а в фактах повседневной жизни – отражение великой истории. Причем последняя понимается героем "Котика Летаева" как вечный, подвластный космическим ритмам временной поток, который проходит через одну точку в пространстве – творческую индивидуальность.

Вновь обращаясь к идее истории как постоянного возвращения к тому, что уже было, писатель насыщает повествование реминисценциями из древнегреческих мифов и Библии. Прилагая историософские категории к исследованию человеческой личности, он изображает взросление ребенка как последовательное прохождение через различные эпохи. Окружающие условия оказываются аналогичны то состоянию языческого хаоса, то упорядоченной культуре Египта и Древней Греции. Одновременно в сознании Котик проходит все ранние этапы человеческой

философии: догреческий (египетский), древнегреческий, солнцепоклонничество, христианство. Причем знание о Христе, согласно Белому, заложено в человеческом сознании изначально, однако забыто в повседневной суете. В связи с этим жизнь героя изображается как дорога через строй комнат (быт) в Троице – Арбатскую Церковь, то есть к Богу. Поэтому библейская символика переносится им на реалии окружающей жизни: приходящие к отцу старики – профессора воспринимаются маленьким героем как волхвы, а отец и мать из живых людей превращаются в олицетворения образно - категориальных понятий.

Особого рассмотрения заслуживает сквозная сюжетная линия ожидания "Его". Смысл этого обобщения будет раскрыт только в эпилоге, однако постоянные намеки, "говорящие" детали подготавливают появление загадочного. Духовное сиротство Котика длится недолго: появляется "духовник в крылатке" - Владимир Соловьев. Его приход в дом Летаевых показан как судьбоносный, в изображении внешности демонические черты отступают перед мессианским светом души. После этого "явления" Белый логично переходит к описанию распятия.

В целях наиболее яркого показа увиденного Белый включает каждый образ в контекст исторических и теософских параллелей, создавая ряд мифов, в которых прошлое выступает как реально существующее в прапамяти личности. Так, борода дяди Ерша вызывает в памяти краснофигурные древнегреческие вазы, а раскосые папины глаза становятся поводом к размышлению о скифах и монголах.

Заголовки глав позволяют зафиксировать ступени развития личности. Первая "Ты - еси" - ощущение себя в мире; во второй - "Папа" - обозначен путь к осознанию предков и родственных связей героя; в третьей - "Котик Летаев" - изображается процесс становления индивидуальности, четвертая глава - "Вселенная" – это переход от быта к Бытию, пятая – "Ренессанс" - возрождение души, обремененной опытом прошлого, шестая же глава "Гностик" указывает на органический переход от наблюдения к познанию, причем к познанию религиозному.

Исследуя человеческое взросление в свете своей концепции, Белый воспринимает Восток и Запад как космические, отраженные в подсознании личности, категории. Поэтому в семье Котика сталкиваются рационализм и азиатчина, христианство и язычество, персонифицированные в образах отца и матери. Именно это противостояние становится основой конфликта в следующем создании Андрея Белого – "Крещеный китаец".

"Крещеный китаец", работа над которым началась в послереволюционные годы (1920 – 1921) - произведение несколько иного поэтического плана, нежели "Котик Летаев". Активная общественная жизнь заставляет Белого перейти от детализации к масштабным обобщениям. Само время требовало четко обозначить рамки той социально – культурной среды, которой в сложившихся исторических

условиях необходимо было сказать решительное "Нет". Благоговение перед любой деталью из прошлого уступает место духовно – нравственной требовательности.

Если принять во внимание фразу Белого из предисловия 1928 года, что "восприятие факта было иное, чем сам факт, " то можно предположить, что и в "Крещеном китайце" присутствуют два смысла всего изображаемого, причем подтекст, выраженный в символизации явлений окружающей жизни, несет глубоко философскую окраску. Постоянное нарастание историософских мотивов обусловлено тем, что теперь арена борьбы двух враждебных начал Востока и Запада - не страна и человечество, а душа личности, только начинающей осознать свою связь с реалиями окружающей жизни. Временные и пространственные координаты повести изменчивы. Собственно биографическое время, хоть и связано с реальным, историческим, настолько субъективно, что даже сравнивается автором с пугливым зайцем. Постоянное экспериментаторство с временным планом позволяет Белому зримо воссоздать картину из далекого прошлого (погоню скифа за персом) или из будущего (рядом с современными маленькому Котику зданиями стоят те дома, которые автор видит много лет спустя).

Эмпирическая жизнь, протекающая в пространстве, имеет несколько взаимопроникающих пластов. Это пространство папиного кабинета – особый, математически выстроенный мир, где даже Христос не Бог, а "Абсолют, так сказать". Второй пространственный пласт – остальная квартира – владения мамы, подчиненные музыкально – цветовой стихии. В этих комнатах время не ощутимо, все происходящее в них длится месяцами и годами, в то время как пространство реального города – Москвы - отмечено приметамы быденной жизни: зиму сменяет всеобновляющая весна, каждый дом имеет свое имя. Такое контрастное сопоставление мира внутреннего и внешнего позволяет писателю показать не только протяженность конфликта между матерью и отцом, но и его безрезультатность, бесперспективность.

Особую роль в сюжете играет образ отца. Объяснение его духовных ориентиров Белый дает уже в заголовке произведения, усматривая в предложенном сочетании некий символ: "китаец" как носитель восточного, дикого, стихийного начала, оказывается, обращен в православие, он - "крещеный ". Подлинный смысл историософской концепции писателя ярче всего прослеживается в эволюции этого образа, долженствующего продемонстрировать идеальное слияние культуры Европы и монгольской естественности. Именно такой синтез автор "Крещеного китайца" противопоставил раздвоенности духовной жизни России. Поэтому личность Котика, становление его мира, отходит на второй план, а центральной фигурой становится отец – профессор Летаев, в последующих романах - профессор Коробкин.

В раскрытии образа отца Белый идет следующим путем: во внешности героя различными деталями подчеркивается сходство со скифом или монголом ("восточность"), а во внутреннем мире –

влечение к математической точности, а также увлечение Библией. Как ранее в Соловьеве, Белый находит в этом герое "проблески древности", возвращаясь ассоциативно к Элладе, и особого рода одухотворенность, близкую к "отрешенности от мирских дел". Отец напоминает Котику китайского мудреца, "небом освещенного, духом просвещенного". Личный жизненный опыт старшего Летаева, переживания от частых стычек с женой, социально – бытовые условия его жизни позволяют автору выделить главную черту профессора: "святейшее" [2, с. 472]. Оно проявляется в знании Священного писания и в глубоком понимании основ мироздания. Его экспромты, жизненная неустроенность позволяют Белому показать "одержимость" "блаженного от многой мудрости". Его ориентиры – размеренный, мещанский Китай, регламентированный правилами, скорректированными Лейбницем, Пифагором, Лао – цзы. Отсюда – новый смысл восточной стихии, близкий к тому, который вкладывался в него автором романа "Петербург".

Именно в этом произведении Белый отступает от общепринятого понимания восточного начала: оно воплощает не только стихийный разгул, а и размеренность, разрушающую существующий порядок своим чрезмерным следованием догмам. Одновременно – это жизнь духом, погруженность в себя. Анализ символики образов Отца и Матери позволяет увидеть комплекс черт, выражающих противостояние "восточного" и "западного" типа мышления.

Подчинение строгим правилам, идущее с Востока – от отца, противопоставлено стихии музыки и цвета эпохи Возрождения, связанной с мамой. Неприспособленность к быту противостоит практичности и аккуратности, свойственной маме, а приверженность к Москве, к скучному и интеллектуальному быту профессоров сталкивается с наиболее ярким проявлением Запада в России – Петербургом, городом суетным и веселым, что проявляется в поверхностном отношении к жизни маминого окружения: "Оставь: Петербург – это немцы." [2, с. 517] Отец – сторонник интеллектуального развития ребенка по им же самим намеченному плану, в то время как мама предпочитает эстетическое развитие. Профессор Летаев во время столкновений ведет себя как разбушевавшийся скиф (это слово синонимично в словаре Белого понятию "дикарь"), а в его внешнем облике всячески подчеркивается некая "косость" - раскосые маленькие глазки, съехавший набок фрак. Не случайно отец поклоняется знанию, а мама – "Золотому Тельцу" мещанства. Позиция маленького героя - компромиссная: он пытается принять и тот, и другой мир, создать из них свой собственный.

Все это позволяет утверждать, что Белый воспринимает конфликт родителей как явление типичное для исторического отрезка времени, изображая бытовые разногласия как столкновения двух типов мышления, порожденных антагонизмом восточной и западной цивилизаций в России. Выход из тупика Белый видит во всепримиряющем учении Христа. Поэтому из этих двух связанных между собой линий вырастает третья: грех познания ребенком жизни ведет к ссоре между отцом и

матерью. Белый вводит в повествование мотив христианства как спасительного начала, пытаясь уяснить себе смысл и причины наблюдаемых явлений и в то же время осознавая свою беспомощность перед ними. Именно в силу этих причин Белый обращается к приему сна, в котором изображается встреча отца и Христа. Причем Бог принимает все постулаты отца, кроме неопределенности и рассудочности, которые не должны быть свойственны верующим людям. Не случайно последняя глава посвящена Новозаветной теме: Распятию и Воскресению Христа, которые спроецированы на обстоятельства личной жизни Котика. Она превращается в своеобразное вместилище библейских образов, тесно связанных с индийской философией и восточными реалиями. Такой мировоззренческий синтез одновременно указывает и на древность знания, излагаемого отцом маленькому Котику, и на его вечность, когда прошлое проникает в настоящее и становится органической частью будущего.

Таким образом, указание Белого, что "Крещеный китаец" – роман, наполовину биографический, наполовину исторический, находит свое отражение в персонификации восточного и западного начал в образах отца и матери главного героя.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что на протяжении всего творческого пути писатель - символист Андрей Белый пытался решить вопрос, который выдвигала сама жизнь начала века - как формируется сознание личности в различных бытовых условиях. Вопрос этот трансформировался в проблему исторического пути России, ставшей для писателя символом и человеческой души, и всего человечества, и даже - Космоса и Вселенной.

Литература.

1. Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации / Сост. Лесневский С. , Михайлов А. – М.; 1988. – 830 с.
2. Андрей Белый. Котик Летаев// Андрей Белый. Серебряный голубь. – М.; Современник, 1990. – 340 с.